

UDC 94

Measuring the Famine: Consumption Level in 1933

Sergey A. Nefedov

Ural Federal University, Russian Federation
 Doctor of Historical Sciences, Professor
 E-mail: hist1@ya.ru

Abstract. The question of territorial-fixed coverage of the 1933 famine is a matter of dispute between Ukrainian and Russian historians. While the latter believe that the famine was localized in Ukraine only, the latter claim it also covered wide areas in Russia, in particular, the Northern Caucasus, the Volga River basin, and the Central Chernozem District. To solve this problem, the author involves data from nourishment studies conducted by the State Planning Committee of the USSR in 1933. This data does not include information on the Northern Caucasus, but demonstrates that the most catastrophic situation among other regions was in Ukraine.

Keywords: famine; 1933; Ukraine; Russia; food consumption level; nourishment studies.

Введение. Вопросу о масштабах голода 1933 года в СССР посвящена обширная литература. В работах Р. Дэвиса и С. Уиткрофта, Н. А. Ивницкого, В. В. Кондрашина, С. В. Кульчицкого, Р. Таугера [1] и других авторов рассмотрены вопросы касающиеся, в первую очередь, размеров урожая зерновых, величины потерь при уборке и объема хлебозаготовок. Сопоставление этих величин дает возможность определить количество оставшегося в деревне хлеба и масштабы продовольственного дефицита в отдельных областях. Однако вопрос о размерах территории, пораженной голодом и интенсивности его в различных областях породил дискуссию между украинскими и российскими историками. Если первые считают, что голод был локализован на Украине, то вторые утверждают, что он охватил также обширные области России, в частности, Северный Кавказ, Поволжье и Центрально-Черноземный район.

Материалы и методы. Помимо данных о размерах урожая, которые используют многие авторы, существуют и прямые данные о потреблении продуктов питания по областям СССР. Речь идет, прежде всего, о данных бюджетных обследований, имеющиеся в фондах Российского государственного архива экономики (РГАЭ). Эти данные приводятся в бюллетене Центрального управления народно-хозяйственного учета (ЦУНХУ) Госплана «Бюджеты колхозников за 1933 и 1934 годы» [2]. Частично эти данные – а именно, данные о потреблении хлеба по 7 регионам – воспроизводятся в книге Р. Дэвиса и С. Уиткрофта [3]. Однако потребление крестьян, разумеется, не ограничивалось хлебом, поэтому представляет интерес проанализировать динамику потребления по полному набору продуктов.

Вопрос о репрезентативности бюджетных данных. Может вызвать некоторое удивление, что в голодном 1933 году ЦУНХУ проводило обследования питания и фиксировало масштабы голода – хотя, конечно, соответствующие материалы имели гриф «Не подлежит оглашению». Бюджетные обследования проводились в Белоруссии, в четырех российских регионах (Московской, Ленинградской, Центрально-Черноземной областях и в Средне-Волжском крае), и в двух областях Украины (Киевской и Одесской). Было обследовано следующее количество крестьянских хозяйств: в Белоруссии – 770, в Московской области – 980, в Ленинградской – 700, в ЦЧО – 1050, в Средне-Волжском крае – 980, в Киевской области – 560, в Одесской – 700. К сожалению, на Северном Кавказе, бюджетные обследования не проводились и мы лишены возможности судить о ситуации в этом регионе. Хозяйства колхозников отбирались механически, путем жеребьевки; они разбрасывались по районам конкретной области пропорционально удельному весу отдельных районов в населении области. Расходы продуктов питания регистрировались самими колхозниками один раз в десять дней; эти записи ежемесячно проверялись инструкторами. Поступление продуктов питания регистрировалось дважды – самим колхозником в день поступления и инструктором на основании отчетов данного колхоза. Кроме того, в колхозы периодически выезжали работники областных управлений народно-хозяйственного учета, которые проверяли всю работу колхозников и инструкторов [4].

ЦУНХУ анализировало степень репрезентативности выборки, сравнивая данные по тем колхозам, в которых находились обследуемые хозяйства («бюджетным» колхозам) со средними данными по всем колхозам области. Результаты такого сравнения приводятся в таблице 1.

Отклонение характеристик бюджетных колхозов от средних величин, которые принимаются за 100 %

Область, край, республика	Посевные площади на 100 душ в 1933 г.	Урожайность зерновых в 1933 г.	Число рабочих лошадей на 100 га посева в 1933 г.	Выдача зерна на 1 трудодень в 1933 г.	Выдача зерна на 1 трудодень в 1934 г.
Ленинградская	104,3	97,3	81,7	91,2	97,0
Московская	95,9	103,4	110,4	94,5	77,5
ЦЧО	101,5	104,4	102,3	95,6	112,6
Средне-Волжский	116,4	97,1	91,8	105,3	99,0
БССР	101,3	101,6	95,5	99,3	89,3
Киевская	111,7	91,3	104,8	101,6	90,7
Одесская	104,8	100,4	118,4	100,4	79,6

Источник: РГАЭ. Ф. 1562 Д. Оп. 77. Д. 5а. Л. 3-5.

Рассмотрение сравнительных данных позволяет сделать вывод, что колхозы, в которых располагались обследованные хозяйства, не выделялись из основной массы колхозов. Р. Дэвис и С. Уиткрофт считают эту выборку репрезентативной [5], и действительно, если бы обследования проводились в нормальных условиях, то с этим выводом можно было бы согласиться. Однако в 1930-х годах условия не были нормальными, и существует вероятность, что после получения данных из обследованных хозяйств, они могли быть приукрашены в угоду вышестоящему начальству. Наиболее детальным исследованием проблемы достоверности результатов бюджетных обследований 1930-х годов является работа Е. Д. Твердюковой [6]. Е. Д. Твердюкова не дает окончательного решения этой сложной проблемы, но полагает, что «при проведении обследований вряд ли речь шла о сознательном завышении уровня жизни трудящихся» [7]. Можно добавить, что данные бюджетных обследований о потреблении хлеба увязывались в хлебофуражных балансах с данными о реальном намоте зерна, полученными из годовых отчетов колхозов. Таким образом, если бы данные о потреблении были существенно преувеличенными, то балансы бы не сходились [8].

Эти аргументы, однако, не вполне характеризуют конкретную ситуацию 1933 года, когда в районах массовой смертности репрезентативность выборки могла быть нарушена просто в результате смерти некоторых участников бюджетных обследований. Представляется очевидным, что для таких районов (главным образом, для Украины) данные бюджетных обследований являются завышенными. Вопрос – насколько? Как мы увидим далее, по бюджетным обследованиям уровень потребления на Украине был таким, что человек при условии выполнения легкой работы мог прожить только 90-100 дней. Если предположить, что уровень потребления был завышен, скажем, на 20 %, то расчеты показывают, что в этом случае погибло бы все население Украины – даже те, кто не выполнял никакой работы. Иными словами, чрезвычайно низкий уровень потребления, который дают данные бюджетных обследований, сам по себе служит опровержением предположения о значительной завышенности этих данных.

Таким образом, мы разделяем мнение Е. Д. Твердюковой, что при всех возможных неточностях «в совокупности они (бюджеты – С. Н.) все же дают правильное представление о динамике доходов и расходов населения» [9]. В данном случае особенно важно, что бюджеты дают представление не только о повременной, но и о территориальной динамике. Поскольку мы не имеем другого столь подробного источника о потреблении в 1930-х годах, то, как отмечает Е. А. Осокина, «бюджеты представляют незаменимый источник» [10]. В книгах Р. Дэвиса, С. Уиткрофта и Е. А. Осокиной достоверность бюджетов не ставится под сомнение и авторы оперируют этими данными без каких-либо оговорок.

Данные о потреблении продуктов питания. Бюджетные данные о потреблении продуктов колхозниками в 1932-1934 гг. (за исключением данных о потреблении хлеба) до сих пор не публиковались, поэтому мы считаем необходимым привести здесь подробные сведения о потреблении всех видов продуктов (см. табл. 2 и 3).

Таблица 2

**Потребление продуктов питания колхозниками в I и II полугодиях 1933 года
(в граммах на душу населения в месяц)**

		Ленинградская	Московская	ЦЧО	Средне-Волжский край	БССР	Киевская	Одесская
Хлеб и мука в переводе на хлеб	I	20537	19506	11511	15688	11242	6222	7222
	II	19647	18731	11374	16960	12203	13146	15652
Крупа и бобовые	I	1003	805	1526	1459	996	2177	1502
	II	874	870	1509	1625	1046	2190	1309
Картофель	I	13891	16974	19490	7821	28715	9171	3669
	II	20674	22399	20652	12673	34406	12022	6478
Овощи и корнеплоды	I	4244	4687	6652	2627	4069	7917	9101
	II	5593	6943	10853	4788	4853	6960	12644
Сахар, конфеты	I	190	192	31	18	46	48	89
	II	140	129	100	29	52	111	134
Масло растительное	I	34	31	51	9	20	43	121
	II	28	25	20	5	14	42	51
Бахчевые	I	1	0	24	370	0	932	601
	II	139	17	1741	1376	98	3290	2121
Мясо всякое	I	1179	900	588	320	1192	401	378
	II	1103	899	444	448	999	389	269
Сало	I	36	12	40	8	485	182	31
	II	25	15	16	5	357	79	16
Рыба	I	347	70	39	63	115	105	421
	II	261	73	41	55	119	155	209
Молоко цельное	I	9377	8482	6956	5954	8361	4471	5626
	II	9960	10125	10463	7273	10288	8198	6179
Молоко снятое	I	904	387	326	1987	1037	255	475
	II	969	151	707	1919	1098	629	717
Сметана	I	111	47	39	89	110	28	25
	II	85	27	65	38	107	95	92
Масло коровье	I	50	9	16	42	16	6	55
	II	36	11	26	42	15	26	114

Источник: РГАЭ. Ф. 1562 Д. Оп. 77. Д. 5а. Л. 91-92.

Таблица 3

**Потребление продуктов питания колхозниками в I и II полугодиях 1934 года
(в граммах на душу населения в месяц)**

		Ленинградская	Московская	ЦЧО	Средне-Волжский край	БССР	Киевская	Одесская
Хлеб и мука в переводе на хлеб	I	19341	19007	13864	16828	13184	15591	18060
	II	20631	18813	13167	17992	13042	13935	14112
Крупа и бобовые	I	1248	1617	2899	2704	1432	2446	2652
	II	1004	1106	2097	1818	1095	2035	1993
Картофель	I	18363	20075	15631	12743	28614	8150	3433
	II	18592	23136	22423	15758	38750	17522	6093
Овощи и корнеплоды	I	5037	6849	10460	2916	3264	6226	8198
	II	6875	7743	10467	5690	5840	8400	11467
Сахар, конфеты	I	220	218	82	66	91	141	212
	II	253	256	130	64	66	320	230
Масло	I	74	52	88	18	16	63	148

растительное	II	47	45	35	9	31	75	109
Бахчевые	I	6	0	71	152	0	234	781
	II	341	25	1793	2689	161	3844	4820
Мясо всякое	I	954	942	403	355	1168	438	476
	II	873	926	426	401	750	282	676
Сало	I	88	11	24	2	433	167	142
	II	18	19	160	4	248	99	85
Рыба	I	348	84	70	102	165	196	409
	II	326	135	72	110	163	188	410
Молоко цельное	I	10277	9760	8034	6174	10092	6188	4292
	II	11385	11791	10980	7929	12204	9933	5093
Молоко снятое	I	758	728	973	2955	1087	602	524
	II	815	483	1217	3122	1627	1298	684
Сметана	I	82	52	59	44	145	95	91
	II	92	73	66	65	159	168	117
Масло коровье	I	34	15	24	68	18	19	73
	II	49	16	41	80	29	64	124

Источник: РГАЭ. Ф. 1562 Д. Оп. 77. Д. 5а. Л. 91-92.

Можно подсчитать энергетическую ценность указанного набора продуктов. Для определения калорийности продуктов мы используем данные справочника «Нормальный состав пищи и пищевое значение продовольственных продуктов» [11] и данные ФАО [12] (которые в табл. 4. выделены курсивом).

Таблица 4

Калорийность продуктов, принимаемая при расчете потребления (ккал/кг)

Продукты	ккал/кг	Продукты	ккал/кг
Мука ржаная	2955	Мясо в среднем	<i>1742</i>
Мука пшеничная	3285	Сало	<i>6470</i>
Крупа и бобовые	3378	Рыба в среднем	<i>860</i>
Картофель	<i>670</i>	Молоко цельное	<i>635</i>
Овощи	<i>204</i>	Молоко снятое	<i>370</i>
Сахар	3875	Сметана	<i>2482</i>
Масло растительное	<i>8517</i>	Масло коровье	<i>7795</i>
Бахчевые	200	Фрукты	<i>560</i>

Для определения калорийности фигурирующего в табл. 2 и 3 «хлеба и муки в переводе на хлеб» мы использовали стандартный метод, применявшийся при обследованиях 1930-х гг., а именно: ржаной хлеб переводился в муку из соотношения 1 кг хлеба = 0,715 кг муки, пшеничный хлеб – из соотношения 1 кг хлеба = 0,785 кг муки [13]. Отсюда можно подсчитать, что калорийность ржаного хлеба принималась ЦУНХУ равной 2113 ккал, пшеничного хлеба – 2579 ккал. Это немного больше, чем величины калорийности, используемые статистиками 1920-х годов [14]. Кроме того, статистики 1920-х годов, по-видимому, несколько занижали калорийность картофеля - поэтому в данном случае мы используем при подсчетах более современные данные ФАО. Это приводит к тому, что при пересчете калорийности пищевых наборов 1920-х годов по нашей методике мы получим немного большие цифры, чем те, которые указывались статистиками 1920-х годов: например, для обследования февраля 1924 года в Воронежской губернии мы получим 3391 ккал в день вместо 3311 ккал по данным ЦСУ (то есть на 2,5% больше) [15].

Пользуясь данными табл. 4, можно найти калорийность используемого в бюджетных сводках условного «хлеба». Как показывают обследования 1920-х годов, в российских областях и в Белоруссии крестьяне потребляли почти исключительно ржаной хлеб [16]. На Украине потреблялся и белый хлеб, и, если учесть доли потребления ржаного и пшеничного хлеба [17], то получим, что принимаемая в расчетах калорийность употреблявшегося на Украине хлеба равна примерно 2188 ккал/кг.

Используя эти значения калорийности упомянутых в таблице продуктов, получим общую калорийность продуктового набора.

Уровень потребления колхозников в 1933-1934 гг. в сравнении с уровнем потребления крестьян в 1924 г. (ккал/день)

Область, край, республика	1933		1934		Губерния, республика	1924
	I	II	I	II		февраль
Ленинградская	2251	2325	2323	2412	Ленинградская	2881
Московская	2156	2267	2342	2392	Московская	2956
ЦЧО	1686	1809	1983	2099	Воронежская	3391
Средне-Волжский край	1660	1927	2021	2151	Самарская	2676
БССР	1965	2172	2177	2366	БССР	2898
Киевская	1149	1809	1893	2082	УССР	3040
Одесская	1072	1767	2017	1788		

Источник: подсчитано по табл. 2, 3, 4.

Можно отметить, что Р. Дэвис и С. Уиткрофт дают подсчитанную по другому (но тоже использующему бюджету) источнику [18] цифру калорийности потребления сельского населения в Одесской области в декабре 1932 года – 1176 ккал/день [19]. Как видно из табл. 5, эта цифра близка к нашим расчетам.

Приведенные таблицы потребления продуктов в 1933-1934 гг. дают возможность сравнить их с недавно опубликованными данными о потреблении в 1937-1940 гг. [20], а также с имеющимися в официальных справочниках данными о потреблении в 1920-е гг. В табл. 5. для сравнения помещен сделанный по той же методике расчет калорийности продуктового набора по данным обследования питания в феврале 1924 года [21]. ЦСУ СССР в 1920-х годах считал, что средним условиям крестьянской жизни и работы удовлетворяет норма в 3750 кал на взрослого «едока» [22]. Среднестатистическая «душа» потребляет в 1,4 раза меньше «едока», следовательно, минимальная норма для сельской души составляет 2680 ккал в день. Принятая Всемирной организацией здравоохранения минимальная норма среднедушевого потребления продовольствия существенно ниже: она составляет 2300–2400 ккал на человека в день [23]. Примерно на таком уровне находится потребление пищи в современных Индии и Пакистане. В 1924 году в СССР крестьяне питались намного лучше: калорийность продуктового набора составляла от 2900 до 3400 ккал в день (за исключением еще не оправившейся от голода 1922 года Самарской губернии). На этом фоне картина потребления в 1933 году представляется подлинной катастрофой: в I полугодии, во время голода на Украине, потребление составляло около 1100 ккал на человека в день или 1540 ккал на взрослого «едока». Известно, что для простого поддержания жизни (без каких-либо затрат на мышечную деятельность) взрослому мужчине требуется 1600 ккал [24], а при самой легкой работе – в 1,4 раза больше, то есть 2240 ккал; в этом случае появляется дефицит в 700 ккал. Энергетические запасы организма взрослого мужчины оцениваются в среднем в 165 900 ккал; по данным физиологов, можно израсходовать 40–45 % этих резервов, прежде чем наступит гибель организма [25]. Простой расчет показывает, что в условиях украинского голода 1933 года выполняющий легкую работу взрослый мужчина мог прожить только 90–100 дней.

В Средне-Волжском районе и в ЦЧО ситуация была не столь трагической: при среднем потреблении около 1700 ккал на «едока» приходилось 2380 ккал, что было достаточно для выполнения легкой работы. Однако сельские работы во время посевной компании требовали значительно больших энергетических затрат, поэтому большая часть населения в этих регионах страдала от голода или от недоедания.

Что касается Московской и Ленинградской областей, то данные бюджетов свидетельствуют о том, что в этих областях не было голода; средний уровень потребления здесь примерно соответствовал минимальной норме ВОЗ.

Как показывают данные табл. 5, во второй половине 1933 года положение на Украине улучшилось и потребление увеличилось примерно до 1800 ккал на душу населения. Голод отступал постепенно и от него страдала еще значительная часть населения. В 1934 году во всем бедствующем регионе, на Украине, в Поволжье, потребление поднялось примерно до 2000 ккал на душу – это было все еще существенно меньше нормы ВОЗ. И конечно, питание крестьян не могло сравниться с «благословенными» временами нэпа, когда уровень потребления достигал 3000 ккал.

Таково положение с потреблением крестьян. Каково было питание рабочих? Материалы бюджетных обследований о потреблении рабочих в 1932–1933 гг. имеются в известной работе Е.А. Осокиной [26]. Однако сравнение данных бюллетеня ЦУНХУ «Бюджеты рабочих» [27] с данными, приводимыми в книге Е.А. Осокиной [28], показывает, что автор книги приводит лишь размеры приобретения рабочими продуктов питания, не учитывая продукты, поступившие из приусадебных хозяйств рабочих [29]. Между тем, выращенный на своем участке картофель имел

существенное значение для питания рабочих семей. В приводимой ниже таблице мы суммировали поступление продуктов из всех источников и подсчитали общую калорийность продуктового набора.

Таблица 6

**Уровень потребления семейных рабочих в СССР
(в граммах на душу населения в месяц (ккал/день)**

	февраль 1925 г.	I кв. 1933 г.	I кв. 1934 г.	весь 1933 г.	весь 1934 г.
Мука и хлеб в переводе на муку	13771	12393	14254	13691	14420
Крупа	1316	1120	1046	1053	982
Прочие хлебные продукты	123	364	439	329	360
Картофель	8758	7881	11710	10593	13964
Овощи	3063	2911	3932	6209	6750
Мясо	4207	1219	1145	1162	1098
Сало	271	29	33	20	36
Рыба	861	743	644	979	823
Молоко	4797	2167	2783	3618	4291
Прочие молочные продукты		127	146	342	288
Масло коровье	197	37	101	96	155
Яйца (шт.)	3	8	7	38	31
Масло растительное	357	86	74	77	56
Сахар	775	556	615	543	620
Кондитерские изделия	49	552	512	394	509
Фрукты	209	91	150	294	609
Калорийность (ккал/ день)	2523	1956	2263	2194	2391

Источник: РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 15. Д. 1934. Л. 8, 25; Состояние питания городского населения СССР в 1924-25 сельскохозяйственном году// Труды ЦСУ СССР. Т. 30. Вып. 3. С. 76-77.

Для сравнения в табл. 6 приводятся также данные о потреблении в феврале 1925 года; причем калорийность во всех случаях подсчитана по единой методике, описанной выше. Данные табл. 6 говорят о том, что кризис отразился и на городском населении: в I квартале 1933 года потребление семей рабочих упало до 1956 ккал на душу. Однако в целом оно оставалось значительно более высоким, чем в сельской местности; при этом нужно учитывать, что в обычные годы потребление горожан по калорийности было меньше, чем потребление крестьян [30]. Это, в частности, видно из сравнения калорийности питания в городе и в деревне в 1924–1925 годах (см. табл. 5 и табл. 6). В 1934 году потребление семей рабочих несколько возросло, но не достигло уровня 1925 года. При этом после кризиса резко изменилась структура питания: потребление мяса уменьшилось в четыре раза, а потребление хлеба увеличилось.

Выводы. Таким образом, данные бюджетных обследований показывают, что эпицентром голода была Украина. Хотя область голодомора распространялась на Поволжье и Центрально-Черноземный район, потребление здесь было в полтора раза выше, чем в Киевской и Одесской областях (к сожалению, бюджетные обследования не дают данных по Северному Кавказу). Что касается Москвы и Ленинграда, то в столицах имели место лишь небольшие продовольственные затруднения; потребление поддерживалось на удовлетворительном уровне.

Примечания:

1. Davies R., Wheatcroft S. The Years of Hunger: Soviet Agriculture, 1931-1933. New York: Palgrave Macmillan, 2004. 555 p.; Ивницкий Н. А. Голод 1932-1933 годов в СССР. М.: Собрание, 2009. 286 с.; Кондрашин В. В. Голод 1932-1933 годов: трагедия российской деревни. М.: РОССПЭН, 2008. 518 с.; Кульчицкий С. В. Украинский голодомор как геноцид // Современная российско-украинская историография голода 1932-1933 гг. в СССР. М.: РОССПЭН, 2011. С. 107-194; Tauger M. B. Natural disaster and human actions in the Soviet famine of 1931–1933. The Carl Beck Papers in Russian and East European Studies. Pittsburgh, PA : Center for Russian and East European Studies, University Center for International Studies, University of Pittsburgh, 2001. 63 p.

2. Российский государственный архив экономики (далее - РГАЭ) Ф. 1562 Д. Оп. 77. Д. 5а.

3. Davies R., Wheatcroft S. Op. cit. P. 504.

4. РГАЭ. Ф. 1562 Д. Оп. 77. Д. 5а. Л. 1-2.

5. Davies R., Wheatcroft S. The Years of Hunger: Soviet Agriculture, 1931-1933. New York: Palgrave Macmillan, 2004. P. 506.

6. Твердюкова Е. Д. Материалы бюджетных обследований рабочих и служащих в СССР в 1930-е годы: вопросы источниковедческого анализа // Россия в XX веке: проблемы политической, экономической и социальной истории. Сб. статей / Под ред. М.В. Ходякова. СПб.: Исторический факультет Санкт-Петербургского ун-та, 2008. С. 359-371.
7. Там же. С. 368, 369.
8. Нефедов С. А. К проблеме надежности советской урожайной статистики 1920–1930-х гг. // Клио. 2012. № 10. С. 54-59.
9. Твердюкова Е. Д. Указ. соч. С. 369.
10. Осокина Е. А. За фасадом «сталинского изобилия». Распределение и рынок в снабжении населения в годы индустриализации. М.: РОССПЭН, 2008. 351 с.
11. Нормальный состав пищи и пищевое значение продовольственных продуктов // Труды ЦСУ. Т. 22. Вып.1. М., 1925. С. 33-44.
12. FAOSTAT [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://faostat.fao.org/site/368/DesktopDefault.aspx?PageID=368#ancor> (дата обращения 12.01.2014)
13. См., например: РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 15. Д. 734. Л. 1-60.
14. См.: Нормальный состав пищи... С. 40.
15. Состояние питания сельского населения СССР. 1920-1924 // Труды ЦСУ. Т. 30. Вып. 2. М., 1928. С. 118.
16. Там же. С. 140.
17. См.: там же.
18. РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 77. Д. 18.
19. Davies R., Wheatcroft S. Op.cit. P. 283.
20. Нефедов С. А. Продовольственное потребление советских трудящихся в 1930-е гг. // Вопросы истории. 2012. № 12. С. 71-78; Нефедов С. А. Уровень жизни в сталинскую эпоху: питание уральцев // Известия Уральского федерального университета. Сер. 2. Гуманитарные науки. 2012. № 2. С. 222-230.
21. Состояние питания... С. 140.
22. Там же. С. 50.
23. См., например: Naiken L. 2002. FAO Methodology for Estimating the Prevalence of Undernourishment. Paper Presented at International Scientific Symposium on Measurement and Assessment of Food Deprivation and Undernutrition, Rome, Italy. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.fao.org>. (дата обращения 12.01.2014).
24. Нормы физиологических потребностей в энергии и пищевых веществах для различных групп населения Российской Федерации. Методические рекомендации МР 2.3.1.2432 -08. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.detnadzor.ru/docs /phis_nom_08.pdf (дата обращения 12.01.2014).
25. Волович В.Г. Человек в экстремальных условиях природной среды. М.: Прогресс, 1983. С. 23.
26. Осокина Е. А. Указ. соч.
27. РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 15. Д. 1934. Л. 8.
28. Осокина Е. А. Указ. соч. С. 333.
29. РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 15. Д. 1934. Л. 8, 25
30. Лосицкий А. Динамика потребления хлебных продуктов в СССР в связи с реконструкцией питания // Статистическое обозрение. 1927. № 12. С. 17-25.

УДК 94

Измерение голода: уровень потребления в 1933 году

Сергей Александрович Нефедов

Уральский федеральный университет, Россия
 Доктор исторических наук, профессор
 E-mail: hist1@ya.ru

Аннотация. Вопрос о территориальном распространении голода 1933 года является предметом спора украинских и российских историков. Если первые считают, что голод был локализован на Украине, то вторые утверждают, что он охватил также обширные области России, в частности, Северный Кавказ, Поволжье и Центрально-Черноземный район. Автор привлекает для решения этого вопроса данные обследований питания, которые проводил Госплан СССР в 1933 году. Эти данные не содержат информации по Северному Кавказу, но показывают, что среди других регионов наиболее катастрофической обстановкой была на Украине.

Ключевые слова: голод; 1933 год; Украина; Россия; уровень потребления пищи; обследования питания.